

К.Н. Батюшков

Опыты в стихах и прозе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Б28

Батюшков К.Н.
Б28 Опыты в стихах и прозе / К.Н. Батюшков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 624 с.

ISBN 978-5-458-27180-6

"Опыты в стихах и прозе" открыли в свое время русскому читателю не только Батюшкова-поэта, но и прозаика, литературного критика и мыслителя. В книге воспроизводится издание 1877 г. и, кроме того, даются дополнения к разделу стихов и к разделу прозы. В книгу "Опытов" не вошли дневники и воспоминания Батюшкова, в еще большей мере приближающие к нам "внутреннего человека". Они печатаются в разделе "Приложений", так же как "Прогулка по Москве".

ISBN 978-5-458-27180-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

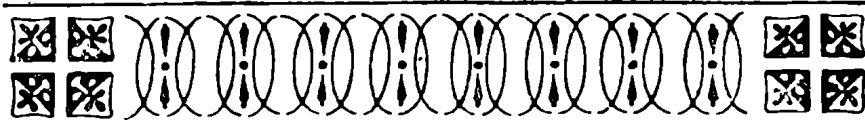
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Часть I

ПРОЗА

Et quand personne ne me lira, ay je perdu mon temps, de m'estre entretenu tant d'heures oysifves à pensements utiles ou agréables?

Montaigne

И если никто меня не прочитает, потерял ли я мое время, проводя столько праздных часов в полезных или приятных размышлениях?

Монтень (франц.)

В двух сих книжках помещены почти все произведения г. Батюшкова в стихах и прозе, рассеянные по разным периодическим изданиям, и присоединены еще новые, нигде не печатанные. Говорить об них в предисловии я почитаю излишним. Скажу только, что случай, доставивший мне средства предпринять сие издание, я почитаю приятнейшим в жизни, ибо уверен, что удовлетворю желание просвещенных любителей словесности.

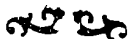
Н. Гнедич.

ОПЫТЫ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

*Титульный лист первого издания «Опытов»
(1-я часть)*

Рисунок И. А. Иванова по наброскам А. Н. Оленина.
Гравировал И. Ческий.

I

РЕЧЬ О ВЛИЯНИИ ЛЕГКОЙ ПОЭЗИИ НА ЯЗЫК,
читанная при вступлении
в «Общество любителей русской словесности»
в Москве. Июля 1816.

Избрание меня в сочлены ваши есть новое свидетельство, милостивые государи, вашей снисходительности. Вы обращаете внимательные взоры не на одно дарование, вы награждаете слабые труды и малейшие успехи; ибо имеете в виду важную цель: будущее богатство языка, столь тесно сопряженное с образованностью гражданскою, с просвещением, и следственно — с благоденствием страны, славнейшей и обширнейшей в мире. По заслугам моим я не имею права заседать с вами; но если усердие к словесности есть достоинство, то по пламенному желанию усовершенствования языка нашего, единственно по любви моей к поэзии, я могу смело сказать, что выбор ваш соответствует цели общества. Занятия мои были маловажны, но непрерывны. Они были пред вами красноречивыми свидетелями моего усердия и доставили мне счастье заседать в древнейшем святилище Муз отечественных, которое возрождается из пепла вместе с столицею царства русского и со временем будет достойно ее древнего величия.

Обозревая мысленно обширное поле словесности, необъятные труды и подвиги ума человеческого, драго-

ценные сокровища красноречия и стихотворства, я с горестию познаю и чувствую слабость сил и маловажность занятий моих; но утешаюсь мыслию, что успехи и в малейшей отрасли словесности могут быть полезны языку нашему. Эпопея, драматическое искусство, лирическая поэзия, история, красноречие духовное и гражданское требуют великих усилий ума, высокого и пламенного воображения. Счастливы те, которые похищают пальму первенства в сих родах: имена их становятся бессмертными; ибо счастливые произведения творческого ума не принадлежат одному народу исключительно, но делаются достоянием всего человечества. Особенно великие произведения муз имеют влияние на язык новый и необработанный. Ломоносов тому явный пример. Он преобразовал язык наш, созидавая образцы во всех родах. Он то же учинил на трудном поприще словесности, что Петр Великий на поприще гражданском. Петр Великий пробудил народ, усыпленный в оковах невежества; он создал для него законы, силу военную и славу. Ломоносов пробудил язык усыпленного народа; он создал ему красноречие и стихотворство, он испытал его силу во всех родах и приготовил для грядущих талантов верные орудия к успехам. Он возвел в свое время язык русский до возможной степени совершенства — возможной, говорю, ибо язык идет всегда наравне с успехами оружия и славы народной, с просвещением, с нуждами общества, с гражданскою образованностью и людскою. Но Ломоносов, сей исполин в науках и в искусстве писать, испытуя русский язык в важных родах, желал обогатить его нежнейшими выражениями Анакреоновой музыки. Сей великий образователь нашей словесности знал и чувствовал, что язык просвещенного народа должен удовлетворять всем его требованиям и состоять не из одних высокопарных слов и вы-

ражений. Он знал, что у всех народов, и древних и новейших, легкая поэзия, которую можно назвать прелестною роскошью словесности, имела отличное место на Парнасе и давала новую пищу языку стихотворному. Греки восхищались Омером и тремя трагиками¹, велеречием историков² своих, убедительным и стремительным красноречием Демосфена: но Вион, Мосх,³ Симонид⁴, Феокрит⁵, мудрец Феосский⁶ и пламенная Сафо были увенчаны современниками. Римляне, победители греков оружием, не талантом, подражали им во всех родах: Цицерон, Вергилий, Горацій, Тит Ливий и другие состязались с греками. Важные римляне, потомки суровых Кориоланов⁷, внимали им с удивлением; но эротическую музу Катутла, Тибулла и Проперция не отвергали. По возрождении муз⁸, Петрарка, один из ученейших мужей своего века, светильник богословия и политики, один из первых создателей славы возрождающейся Италии из развалин классического Рима, Петрарка, немедленно шествуя за суровым Дантом⁹, довершил образование великолепного наречия тосканского, подражая Тибуллу, Овидию и поэзии мавров, исполненной воображения и неги. Маро¹⁰, царедворец Франциска I, известный по эротическим стихотворениям, был один из первых образователей языка французского, которого владычество, почти пагубное, распространилось на все народы, достигшие¹¹ высокой степени просвещения. В Англии Валлер, певец Захариссы¹², в Германии Гагедорн¹³ и другие писатели, предшественники творца «Мессиады»¹⁴ и великого Шиллера, спешили жертвовать грациям и говорить языком страсти и любви, любимейшим языком муз, по словам глубокомысленного Монтаня. У нас преемник лиры Ломоносова, Державин, которого одно имя истинный талант произносит с благоговением, — Державин, вдохновенный певец высоких

истин¹⁵, и в зиму дней своих любил отдыхать со старцем Феосским. По следам сих поэтов, множество писателей отличились в этом роде, по видимому столь легком, но в самом деле имеющем великие трудности и преткновения, особенно у нас; ибо язык русский, громкий, сильный и выразительный, сохранил еще некоторую суровость и упрямство¹⁶, не совершенно исчезающие даже под пером опытного таланта, поддержанного наукою и терпением.

Главные достоинства стихотворного слога суть: движение, сила, ясность. В больших родах читатель, увлеченный описанием страстей, ослепленный живейшими красками поэзии, может забыть недостатки и неровности слога, и с жадностью внимает вдохновенному поэту или действующему лицу, им созданному. Во время представления какой холодный зритель¹⁷ будет искать ошибок в слоге, когда Полиник, лишенный венца и внутреннего спокойствия, в слезах, в отчаянии бросается к стопам разгневанного Эдипа? Но сии ошибки, поучительные для дарования, замечает просвещенный критик в тишине своей учебной храмины: каждое слово, каждое выражение он взвешивает на весах строгого вкуса; отвергает слабое, ложно блестящее, неверное и научает наслаждаться истинно прекрасным. В легком роде поэзии читатель требует возможного совершенства, чистоты выражения, стройности в слоге, гибкости, плавности; он требует истины в чувствах и сохранения строжайшего приличия во всех отношениях; он тотчас делается строгим судьей, ибо внимание его ничем сильно не развлекается. Красивость в слоге здесь нужна необходимо и ничем заменить не может. Она есть тайна, известная одному дарованию и особенно постоянному напряжению внимания к одному предмету: ибо поэзия и в малых родах есть искусство трудное и требующее всей жизни

и всех усилий душевных; надобно родиться для поэзии; этого мало: родясь, надобно сделаться поэтом, в каком бы то ни было роде.

Так называемый эротический и вообще легкий род поэзии воспринял у нас начало со времен Ломоносова и Сумарокова¹⁸. Опыты их предшественников были мало важны: язык и общество еще не были образованы. Мы не будем исчислять всех видов, разделений и изменений легкой поэзии, которая менее или более принадлежит к важным родам: но заметим, что на поприще изящных искусств, подобно как и в нравственном мире, ничто прекрасное и доброе не теряется, приносит со временем пользу и действует непосредственно на весь состав языка. Стихотворная повесть Богдановича¹⁹, первый и прелестный цветок легкой поэзии на языке нашем, ознаменованный истинным и великим талантом; остроумные, неподражаемые сказки Дмитриева, в которых поэзия в первый раз украсила разговор лучшего общества; послания и другие произведения сего стихотворца, в которых философия оживилась неувядающими цветами воображения²⁰; басни его, в которых он боролся с Лафонтеном и часто побеждал его; басни Хемницера²¹ и оригинальные басни Крылова, которых остроумные, счастливые стихи сделались пословицами, ибо в них виден и тонкий ум наблюдателя света, и редкий талант; стихотворения Карамзина, исполненные чувства, образец ясности и стройности мыслей; горацянские оды Капниста²²; вдохновенные страстью песни Нелединского²³; прекрасные подражания древним Мерзлякова²⁴; баллады Жуковского, сияющие воображением, часто своим нравным, но всегда пламенным, всегда сильным; стихотворения Востокова²⁵, в которых видно отличное дарование поэта, налитанного чтением древних и германских писателей; наконец стихотворения Муравьева, где изо-

бражается, как в зеркале, прекрасная душа его; послания кн<язя> Долгорукова²⁶, исполненные живости; некоторые послания Воейкова²⁷, Пушкина²⁸ и других новейших стихотворцев, писанные слогом чистым и всегда благородным^{1*}: все сии блестящие произведения дарования и остроумия менее или более приближались к желанному совершенству, и все — нет сомнения — принесли пользу языку стихотворному, образовали его, очистили, утвердили. Так светлые ручьи, текущие разными излучинами по одному постоянному наклонению, соединяясь в долине, образуют глубокие и обширные озера: благодетельные воды сии не иссякают от времени; напротив того, они возрастают и увеличиваются с веками, и вечно существуют для блага земли, ими орошаемой!

В первом периоде словесности нашей, со времен Ломоносова, у нас много написано в легком роде; но малое число стихов спаслось от общего забвения. Главную тому причину можно положить не один недостаток таланта или изменение языка, но изменение самого общества; бóльшую его образованность и, может быть, большее просвещение, требующие от языка и писателей большего знания света и сохранения его приличий: ибо сей род словесности беспрестанно напоминает об обществе; он образован из его явлений, странностей, предразсудков и должен быть ясным и верным его зеркалом. Большая часть писателей, мною названных, провели жизнь свою посреди общества Екатеринина века, столь благоприятного наукам и словесности; там заимствовали они эту людскость и вежливость, это благородство, которых отпечаток мы видим в их творениях: в лучшем обществе научились они угадывать тайную игру страстей, наблюдать нравы, сохранять все условия

^{1*} Смотри примечание А.

и отношения светские и говорить ясно, легко и приятно. Этого мало: все сии писатели обогатились мыслями в прилежном чтении иностранных авторов, иные древних, другие новейших, и запаслись обильною жатвою слов в наших старинных книгах. Все сии писатели имеют истинный талант, испытанный временем; истинную любовь к лучшему, благороднейшему из искусств, к поэзии, и уважают, смею сказать, боготворят свое искусство, как лучшее достояние человека образованного, истинный дар неба, который доставляет нам чистейшие наслаждения посреди забот и терний жизни, который дает нам то, что мы называем бессмертием на земли — мечту прелестную для душ возвышенных!

Все роды хороши, кроме скучного²⁹. В словесности все роды приносят пользу языку и образованности. Одно невежественное упрямство не любит и старается ограничить наслаждения ума. Истинная, просвещенная любовь к искусствам снисходительна и, так сказать, жадна к новым духовным наслаждениям. Она ничем не ограничивается, ничего не желает исключить и никакой отрасли словесности не презирает. Шекспир и Расин, драма и комедия, древний экзаметр и ямб, давно присвоенный нами, пиндарическая ода и новая баллада, эпopeя Омера, Ариоста и Клопштока³⁰, столь различные по изобретению и формам, ей равно известны, равно драгоценны. Она с любопытством замечает успехи языка во всех родах, ничего не чуждается, кроме того, что может вредить нравам, успехам просвещения и здравому вкусу (я беру сие слово в обширном значении). Она с удовольствием замечает дарование в толпе писателей и готова ему подать полезные советы: она, как говорит поэт, готова обнять

В отважном мальчике грядущего поэта!³¹